

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Е.Я. Гостхоржевич

ЗАПИСКИ ЭПИДЕМИОЛОГА (МОЯ ЖИЗНЬ)
(продолжение)*

Детство и юность

У каждого человека жизнь начинается с детства, и у меня оно было. Родилась я в 1933 г. 2 января на усадьбе (хуторе) близ деревни Иваново Смоленской области, где и была выдана метрическая справка о моем появлении на этот свет.

Отец мой – Ковалев Яков Спиридонович, мать – Ковалева Александра Дмитриевна.

На данной усадьбе было несколько домов с надворными постройками хозяйственного назначения, огороды, сады, пасека, кузница. По территории усадьбы протекала речка, которая нам, детям, казалась большой, а в самом деле, видимо, была маленькой речушкой, а может быть, это был пруд. Вокруг шумел дремучий лес.

Наша семья – отец, мать, бабушка и нас четверо детей жили в просторном деревянном доме с несколькими комнатами, кухней, горницей, верандой.

В моей памяти 4-летнего ребенка сохранилось то, как я раскрывала все двери и бегала из одного конца дома в другой, мне расстояние казалось большим.

У нас был огромный сад, куда одних детей гулять не отпускали, чтобы не ушли в лес. Мы, дети, особенно любили собирать малину и с радостью ходили с родителями «брать мед». Хотя о том времени мало сохранилось в памяти, но это были самые лучшие годы детства.

Своего социального положения я не знаю, так как об этом никогда и никто не говорил, только однажды мама упомянула, что дед отца был мировым судьей.

В 1937 г. папа был репрессирован тройкой УНКВД по ст. 17-58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. И все рухнуло. Все имущество было конфисковано: дом разобран и вывезен, сад вырублен, пасека вывезена, кузница конфискована. Только по слезной просьбе матери оставили баню, где мы и жили.

Мама осталась одна с четырьмя детьми от 1 года до 6 лет на руках, а ей в это время было всего 25 лет. С тех пор за нами закрепился ярлык «жена и дети врага народа». Мама от отца

не отказалась, наоборот, пыталась помочь, ходила за какой-то для меня совершенно непонятной «характеристикой».

Очень ясно помню отдельные моменты «банной» жизни. Маме было приказано работать на скотном дворе в деревне, находящейся теперь уже не от усадьбы, а от ее руин в 2-3 км, а может и меньше. Она рано утром уходила на весь день в деревню, а нас закрывала в бане, чтобы мы не смогли выйти. Взрослых с нами не было, так как бабушка к этому времени уже умерла. Что мы делали в бане в течение дня – не помню (мне было всего 4 года), но очень хорошо отложилось в памяти: как только стемнеет, мы в четыре голоса начинаем кричать «мама» и до тех пор кричим, пока она не придет. Потом уж, когда я выросла, мама мне говорила, что она очень радовалась нашему крику, так как он свидетельствовал о том, что мы живы и никто нас в лесу не растерзал. Затем и маму в 1940 г. арестовали и увезли. А когда решался вопрос об отправке детей в детдом, нас по одному разбирали родственники со стороны мамы и папы.

Затем война, оккупация, страх перед бомбежкой, голод, нищета. Но все-таки мы все выжили. В 1943 г. вернулась мама, в 1946 г. – папа. В 1957 г. он был реабилитирован, но жить ему оставалось мало, в 1959 г. папа умер, в 1980 – умерла мама.

Я тоже имею свидетельство о реабилитации как жертва политических репрессий и за все страдания моих родителей и мои получаю ежемесячно по 300 рублей. Тяжкие холодные и голодные годы продолжались и после возвращения родителей, которые собрали нас в единую, очень дружную семью. Я с очень большой теплотой и безграничной благодарностью к родителям вспоминаю эти годы.

Родители наши очень много работали, были добры и внимательны к нам, делали все возможное для того, чтобы мы учились. Отец совершенно не пил, много читал, занимался с нами.

Так как мы были лишены многих житейских радостей, то радовались тому, что было доступно, а доступно было чтение. По вечерам собирались вместе, папа что-нибудь мастерил, например из старых выброшенных авто-

машинных камер клеил нам обувь. А моей обязанностью было читать вслух очередную книжку. Читали мы действительно много, все, что могли достать. Я, например, в 4-м–5-м классах читала Мопассана и Куприна, но без папиного разрешения. Приладилась читать по ночам под одеялом, освещая книгу фонариком. Потом родители обнаружили и отобрали фонарик.

Около дома у нас всегда было много цветов (жили в это время в дедушкином доме в городе Починке Смоленской области). Родители нас приучали к труду, я рано научилась шить, вязать.

Учились мы очень хорошо, учителя нас хвалили за успехи, родители – как хороших детей. В школе нас никто не упрекал из учителей, что мы дети «врага народа». Видимо, они понимали всю несуразность нашего положения, однако поехать летом в пионерский лагерь нам было не доступно, а мы не очень об этом мечтали. Мы молча понимали, что нам не все можно, что другим.

Так, в нужде и нищете мы друг за другом оканчивали школу, все девочки поступили и закончили высшие учебные заведения, братья (к этому времени у нас появился еще один брат, в семье стало пятеро детей) закончили техникум.

Я понимаю, что это никому, кроме меня, не интересно, но в такое время и в такой обстановке сформировался мой характер, взгляды на жизнь, многие комплексы, в том числе комплекс неравноправия, приниженности, настороженности, из-за чего развилось тайное чувство обидчивости. До сих пор при слове автобиография в душе появляется волнение. Каждый раз, когда надо было писать автобиографию, я писала о родителях, и потом с тревогой ждала решения.

Я сама решила учиться в Ленинграде, родители одобрили выбор. В 1951 г. успешно сдала вступительные экзамены в Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт и стала студенткой, хотя очень волновалась из-за биографии. Но, видимо, в это время для зачисления в институт статья 58 УК РСФСР уже не имела значения.

Параллельно с учебой в институте я много занималась самосовершенствованием, так как чувствовала и ви-

* Начало см. "ЯМЖ2 2006. №4. С.80-82.

дела низкий уровень своей общей образованности.

Мы, дети тридцатых, сороковых, пятидесятих годов, были воспитаны в духе атеизма, конкретного мышления, полярных оценок, хорошо или плохо, свой или враг. Может быть, это было характерно только детям, мне подобным, которые были лишены библиотек, музеев, театров. Для нас свято было то, что говорил учитель. Для меня, девочки из районного городка Смоленской области, авторитет учителя был непререкаем. Это потом уже, в институте в Ленинграде, я поняла и почувствовала, как я отстала в общем развитии от сверстников. Поэтому буквально ринулась в библиотеки, музеи, театры, лектории.

Такое большое желание было многое познать, что даже изучила язык эсперанто, была на I съезде эсперантистов в нашей стране. Сейчас все забыла, кроме отдельных слов. Все воскресенья пропадала в Эрмитаже и Русском музее, по вечерам посещала лектории по музыке, живописи, архитектуре. А когда в Ленинград приехала экспозиция картин Пикассо, я позволила себе участвовать в спорах, высказывать свое мнение, и, самое удивительное, слушали. Так медленно и незаметно стало уходить чувства своей неполноценности и унижения. На жизнь начала смотреть другими глазами. Кроме музеев и театров меня почему-то тянуло в церковь. Любила ходить в Николаевский Собор и слушать пение. Одно только меня смущало, я же могла становиться на колени. И все же оставалась атеисткой. Я не могу сказать, когда во мне зародилось чувство, что вселенная – это намного больше, чем земля, небо, звезды, что кто-то всем этим управляет, что существуют высшие законы мироздания. Сейчас я верю в законы вселенной, в параллельные миры, существующие рядом с нами, в предсказания, предчувствия. Убеждена, что вера, нравы, обычаи у народов возникли в процессе многовекового опыта общения с природой.

На глупости и праздно времяпровождение времени у меня не хватало. Училась я хорошо, неоднократно получала повышенную стипендию как отличница. По-другому мне нельзя было. Очень нужна была стипендия.

Господи! Как же радовались наши родители: сестра и братья учились хорошо, сестры окончили институт с красными дипломами.

В 1957 г. я окончила институт и государственной комиссией была распределена на работу в Якутию.

Итак, мой первый приказ о назначении на работу подписал заместитель министра здравоохранения Якутии Кулаковский Петр Егорович. Я несколько лет работала под непосредственным его руководством, когда в 1962 году была переведена в аппарат министерства на должность инспектора лечебно-профилактической помощи детям. П.Е. Кулаковский был заместителем министра по детству. Несмотря на свою молодость, я была наблюдательна, поэтому увидела или почувствовала его внутреннее благородство и интеллигентность.

Петр Егорович был удивительным человеком, внешне всегда спокойный и уравновешенный. Я никогда не слышала, чтобы он повысил голос, говорил всегда обдуманно и дельно. Я мечтала научиться так конкретно, немногословно и просто выражать свои мысли, старалась подражать, но не получалось, мои мысли разбегались и терялись в многословье. Видимо, это врожденное качество.

Петр Егорович был очень грамотным, прекрасно владел русским языком, много писал. Я видела у него тетради, исписанные мелким красивым почерком без помарок и исправлений. Я думаю, он вел какие-то наблюдения, работал по сбору, анализу и обобщению научных материалов в педиатрии. Сама я его тетрадь не читала и он ничего не говорил.

Ко мне он относился с отеческим теплом, ненавязчиво и неоскорбительно учил и поправлял. Я это понимала и старалась свое дело выполнять хорошо, что, конечно, не всегда получалось. Заботу обо мне как о молодом специалисте проявлял тоже как-то незаметно. Помню, как тронуло меня его напутствие. Я уже имела на руках приказ о моей командировке в Хандыгу для проверки школы-интерната. Все было сказано: что проверять, на что обращать внимание, с кем говорить, как писать справку. И вдруг перед концом рабочего дня меня вызывает Петр Егорович и говорит: «Я надеюсь, что с заданием справитесь, но я вас хочу попросить: ни в коем случае не садитесь на попутную машину, чтобы от авиапорта в Теплому Ключу добраться до Хандыги. Расстояние между этими двумя пунктами около 70 км, ехать долго, ждите рейсовый автобус или машину из районной больницы». Я сначала не поняла. На мое «почему?» добавил: «Вы женщина молодая, а водители могут быть всякие, встречаются и плохие люди». До сих пор я вспоминаю с благодарностью его отеческую заботу.

П.Е. Кулаковский

У Петра Егоровича была хорошая семья: дети и жена-врач, которых он любил и о которых заботился. В Минздраве шутили: если Петре Егорович улыбается, значит пришла его жена.

Но судьба с ним обошлась не по-доброму. Он совершенно незаслуженно подвергся преследованиям со стороны Якутского горкома КПСС. А дело было так, один из его сыновей, окончив 10 классов, заявил, что хочет учиться дальше, а горком КПСС постановил, что весь класс едет работать в совхоз. Петра Егорович согласился с решением сына. В это время своим здоровьем он не мог похвалиться, прихрамывал, видимо, уставал и, конечно, старался все, что возможно, дать детям. От первичной партийной организации Минздрава потребовали дать оценку коммунисту, обвиняли в беспринципности. Мы Петра Егоровича оберегали, требование горкома партии не выполнили, этот вопрос не обсуждали. Петр Егорович очень переживал, но оставался спокойным и уравновешенным. Вскоре он оформил отпуск и вместе с женой Сарой Ахметовной уехал в г. Алма-Ата на ее родину. В Якутск он уже не возвращался. Помню, написал мне письмо, попросил выслать его многочисленные тетради с записями, указал, где они лежат. Однако в его бывшем столе уже ничего не было, так как вновь назначенная на должность заместителя министра Седалищева А.С. распорядилась очистить стол, что и сделали работники канцелярии. Все его записи были уничтожены.

В 1973 г., уже работая главным эпидемиологом Минздрава, я была на курсах усовершенствования в ЦИУ в Москве. На нашем цикле училась главный эпидемиолог Минздрава Казахстана Русина Е.К. Узнав, что я из Якутии, она много хорошего рассказала о Петре Егоровиче, какой он прекрасный человек. Работал он в Минздраве Казахской ССР, заведовал одним из управлений, пользовался очень большим уважением, с его мнением считались, оставался достойным

П.В. Любимов

сыном своего народа и грамотным организатором здравоохранения.

Позже, не помню в каком году, мы узнали, что Петр Егорович в Казахстане умер, не побывав после отъезда на своей родине, о чем мечтал.

Я часто в последнее время думаю: почему одни люди берут на себя ответственность делать несчастными других, ломать им жизнь, лишать радости? Ведь перед вечностью все мы равны.

Когда я впервые в начале шестидесятых годов оказалась в аппарате Минздрава, там трудился дружный коллектив. Министр Любимов Павел Васильевич и его заместители Габышев Павел Петрович и Кулаковский Петр Егорович были достойными и уважаемыми руководителями.

Главные специалисты и начальники отделов были не менее уважаемые и ответственные. Для меня они все были недостижимыми, так как у меня сохранялась какая-то студенческая легкость в суждениях и бесшабашность в поступках. Это потом, гораздо позже, я научилась анализировать события и иметь свое мнение. Для этого нужен был опыт. Среди них я была самая молодая, приняли меня доброжелательно, каждый старался подсказать, посоветовать. О всех о них у меня остались теплые воспоминания. Никто из них, кроме меня, уже давно не работает в Минздраве, многие ушли из жизни, некоторые и сейчас живы, находятся на заслуженном отдыхе, дай Бог им здоровья. Память сохраняет по

С.Т. Шекланова

сей день их лица и голоса. Какая замечательная женщина была С.Т. Шекланова – главный акушер-гинеколог. Таким людям, как она, дают прозвище “трудоголик”, она вполне его оправдывала. Петр Егорович, помню, говорил: «Опять Софья Тимофеевна всю ночь прооперировала и с утра вышла на работу. Все тяжелые случаи берет на себя, жалеет своих акушеров-гинекологов». Она тяжело заболела и рано умерла.

Очень много хороших слов можно сказать о Вепревой Р.И. – главном терапевте, ныне покойной. Раиса Ипатовна была уравновешенной, спокойной, никогда не повышала голоса, с коллегами и больными предупредительна. Я иногда удивлялась, как у нее хватает терпения говорить с людьми, которые явно не хотят понимать и требуют неисполнимого. Она тактично делала замечания. Я никогда не забуду один случай. В Минздрав пришла молоденькая женщина с шестимесячным ребенком просить устроить его в детское учреждение. Положение у нее было безвыходное, она приехала в Якутск с Дальнего Востока к любимому человеку, в свое время там служившему в армии. Здесь родила, но отец ребенка тут же уехал к себе на родину в Москву. А она осталась в рабочем общежитии с ребенком, без средств к существованию. С местами в детских учреждениях было трудно, такие же трудности были и с рабочими местами. Стараясь помочь ей, я договорилась с заведующей яслями, что ее возьмут

на работу няней и ребенка устроят. Мне казалось, что это идеальный выход, но она оскорбилась: как она, дочь офицера, воспитанная в достатке, будет работать няней. Я не выдержала и повышенным тоном говорю: «Как это Вы не будете няней работать? Да ради ребенка все нужно сделать, чтобы ему было хорошо. А если не хотите, то зачем пришли?». В этот момент Раиса Ипатовна повернулась ко мне и спокойно сказала: «К Вам женщина пришла за помощью. Если не можете помочь, никто Вас не осудит, а кричать нельзя». Вот так учила меня жизнь. А эта молоденькая мама на другой день подбросила мне ребенка с запиской, чтобы я о нем позаботилась. Конечно, она была в отчаянии.

Мальчика поместили в Дом ребенка. Мама несколько раз звонила мне, узнавала, где сын. Я ее успокоила, сообщила о его местонахождении, попросила обязательно ходить кормить, так как ребенок был на грудном вскармливании. Все кончилось хорошо. В дальнейшем судьбой ребенка и матери, их воссоединением занималась главный врач Дома ребенка Кушнер Т.Е.

Необыкновенной была Елена Александровна Татарина – начальник лечебного отдела. Отличалась она своей добротой и стремлением доводить дело до конца. Больные ее очень любили, так как знали, что она очень старалась им помочь. К ней приходили самые тяжкие больные, которым уже трудно было помочь. Елена Александровна внимательно занималась, на это уходило много времени, не успевала делать другие необходимые дела. В бумагах у нее был вечный беспорядок, в котором только она могла разобраться. Много скапливалось не отвеченных своевременно жалоб и заявлений, за что часто получала нарекания от начальства, но не переставая повторяла: «Бумаги бумагами, а с больным человеком нужно поговорить, его выслушать, иногда словом больше можешь, чем таблеткой». Когда она уже не работала, была на пенсии, дол-

П.П. Габышев

Р.И. Вепрева

Е.А. Татарина

го еще в Минздрав приходили люди, искали Елену Александровну, очень сокрушались, так как были убеждены, что только она может помочь. Еще она очень любила чай. И если не выпьет шесть–восемь стаканов чая в обеденный перерыв, то настроение у нее портилось. Умерла она в преклонном возрасте, никого не беспокоя, тихо ушла из жизни.

Никак нельзя не вспомнить двух главных специалистов Минздрава, которых я считала своими непосредственными учителями. Это главный педиатр Ковалевская Надежда Ивановна и главный эпидемиолог в мои молодые годы Трубицина Александра Алексеевна, которая с 1971 г. в течение 17 лет оставалась в этой должности. Однако нужно быть более точной. После сокращения в 1966 г. штатной должности главного эпидемиолога (в те годы тоже проводилась оптимизация службы) Трубицина А.А., работая на другом месте, одновременно исполняла обязанности главного эпидемиолога. Восстановлена должность главного эпидемиолога была в связи с появлением холеры в стране в 1970 г. и некоторое время главным эпидемиологом работал Сергеев А.Ф.

Итак, вернемся к Ковалевской Н.И. и Трубициной А.А. Это были специалисты, отлично знающие свое дело, они поднимали и решали глобальные проблемы педиатрической и эпидемиологической служб. Имели волевой характер, были очень требователь-

ны и не менее уважаемы коллегами. Поистине они были непревзойденными руководителями каждая в своей службе.

Александра Алексеевна Трубицина сочетала в себе, как мне казалось, одновременно простоту и врожденное чувство достоинства. Она четко и понятно высказывала свое отношение к делу. Ее трудолюбие и трудоспособность поражали. Складывалось впечатление, что она никогда не уставала.

Непосредственно с ней я не так много работала, были 3-4 совместные командировки, а также работа в аппарате Минздрава и в Республиканской санэпидстанции. Она была настоящим эпидемиологом, которая ни перед чем не остановится, пока не выяснит причину эпиднеблагополучия. Как иллюстрацию этому можно привести случай ее работы в очаге трихинеллеза в п. Н-Бестях Мегино-Кангаласского улуса. Было это в середине шестидесятых годов. В Республиканскую санэпидстанцию поступило сообщение, что в п. Н-Бестях одновременно 6 человек заболели сыпным тифом. В те годы сыпной тиф в республике не регистрировался. Это сообщение было чрезвычайным. Для уточнения ситуации, диагноза больным, установления причины болезни на место выехала бригада из нескольких человек, в том числе Александра Алексеевна, помню, что из инфекционистов была Тимченко А.В. Сыпной тиф бригада отменила, но что же тогда? Огромный практический опыт Александры Алексеевны подсказал, что нельзя исключить трихинеллез, очень тяжелое паразитарное заболевание, заражение которым происходит через мясо больных животных, в том числе свиней, медведей и других. Но это нужно доказать, найти мясо, которое ели больные, и исследовать в лаборатории.

Заболело 5 мужчин-водителей и одна женщина, которая продала им водку, угощала строганиной и сама с ними выпивала и ела. Все вместе в тяжелом состоянии они были госпитализированы. Расспросы женщины ничего не давали, она твердила, что говядину покупала в магазине, из нее делала строганину. Но это не вязалось с той ситуацией, которая создалась. Никто еще в поселке не заболел, проверка мяса ничего не дала.

В таких ситуациях эпидемиолог ставит себе задачу – найти источник, что и сделала Александра Алексеевна. Она пошла в милицию, обрисовала положение и попросила произвести осмотр на квартире этой женщины, где происходило распитие водки, так

как квартира была на замке, а хозяйка в больнице. Вначале осмотр ничего не дал: никаких остатков пищи, никаких запахов. Но Александра Алексеевна не успокаивалась. При осмотре кладовки обратила внимание на что-то большое, завернутое в тряпку. В ней оказалась половина головы собаки, освежеванная, со снятой шкурой, видимо, приготовленная к кулинарной обработке. В тот день в Республиканской СЭС лабораторное исследование выявило массивное заражение головы собаки трихинеллами. И что бы потом ни говорили и ни писали, а не будь там Александры Алексеевны, долго бы еще гадали и додумывали: как и от чего заразились люди.

Из своей практики хочу привести один из примеров, свидетельствующий о том, насколько важно доисследовать до первопричины заболеваемости людей. Было это в 1975 году. В июне я выехала в Намский район для выяснения причины заболевания брюшным тифом, который регистрировала в течение последних трех лет (с 1973 по 1975 гг.) по два-три случая в год в пяти населенных пунктах. Из заболевших были учитель, кочегар, учащийся СПТУ, няня детского учреждения, сельхозработница. Больные между собой не общались, нигде, на каких-либо совместных мероприятиях, не встречались. Были выявлены несколько носителей брюшнотифозного микроба, также между собой не общавшихся. Возбудитель же болезни у всех был идентичный. Работала я вместе с главным врачом Намской СЭС Хохоловой В.С. О Вере Семеновне следует сказать много теплых слов. Это грамотный, думающий врач, которая всю свою трудовую жизнь отдала Намскому району, проводя огромную профилактическую работу. Она-то ко мне и обратилась разобраться в сложившейся ситуации. После тщательного анализа заболеваемости нам стало ясно, что есть единый источник заражения, но кто. Это предстояло выяснить. В первую очередь внимание было обращено на пищевиков, работников столовых, детских учреждений, молокозаводов, молокопродуктов, доярок и других. Обследовали 275 человек, сделали 830 анализов. Все отрицательно. В то же время было замечено, что заболеваемость регистрировалась в мае-июне и в ноябре-декабре, в другие сезоны года отсутствовала. Задумались, что же особенного было в эти месяцы. Оказывается это майские и октябрьские праздники. В честь праздников в связи с продовольственными трудностями решением

Н.И. Ковалевская

А.А. Трубицина

В.С. Хохолова

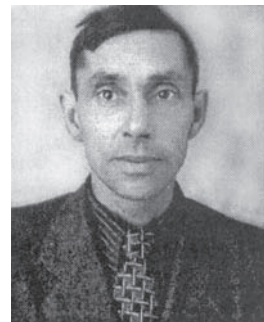
райисполкома населению продавали сливки по 0,5 или 1,0 кг на человека. Нетрудно было уточнить, что в пять населенных пунктов, где регистрировалась заболеваемость, сливки поступали из одного молокозавода, находящегося в с. I Хомустах. Обычно продукция с данного молокозавода отправлялась на Якутский молокозавод, где проводилась вторичная термическая обработка. После этого все внимание было обращено на работников Хомустахского молокозавода. Обычное обследование испражнений дало отрицательный результат. Но при исследовании желчи у мастера был высеян возбудитель брюшного тифа. Мастер никаких жалоб не предъявляла, никогда не болела. По внешнему виду – это была здоровая, цветущая женщина. Но увы! Она оказалась носителем возбудителя брюшного тифа, сама об этом ничего не зная. Ее пролечили, перевели на другую работу.

В пятидесятые-шестидесятые годы начальником отдела кадров Минздрава работал Федор Петрович Никифоров. Был он яркой личностью. По образованию фельдшер он был человек воспитанный, в манере говорить, общаться с людьми, даже в походе чувствовалась воспитанность, интеллигентность, достоинство, а в общении с женщинами подкупала галантность. Он много ездил по Советскому Союзу, выезжал за границу. В то же время был не заносчив, доступен, был хорошим рассказчиком, да это и понятно, он много видел, нрав у него был веселый, с юмором.

Помню, однажды нам делали прививки против туляремии в Минздраве. Заполняя паспортные данные, медсестра у него спросила о возрасте, на что спокойно, без улыбки, он ответил: «Пиши за сорок». На вопрос «А точнее?» ответил: «52 года». Все вокруг засмеялись. Он же с достоинством удалился. С таким же достоинством он приносил руководству бумаги на подпись, спокойно стоял у стола, честно отвечал на вопросы министра или его замов. Федор Петрович всегда

был опрятен, при галстукке, ходил в белоснежном чесучевом кителе, как у Мао Цзедуна. Он очень много работал. Всю неделю трудился в Минздраве, а в субботу и воскресенье дежурил на станции «скорой медицинской помощи», никогда после дежурства на работу в Минздрав не опаздывал. Такая огромная нагрузка, без отдыха в выходные дни, дала о себе знать. Умер он от инфаркта миокарда в относительно молодом возрасте.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов главным педиатром Минздрава ЯАССР была назначена Зейман Ребека Исаковна, заняв эту должность после ухода на пенсию старейшего организатора педиатрической службы в республике Афанасьевой Надежды Петровны. Ее сменила на этом посту Надежда Ивановна Ковалевская. И с Ребекой Исааковной, и с Надеждой Ивановной я лично работала в качестве инспектора лечебно-профилактической помощи детям. Р.И. Зейман была кандидатом медицинских наук. О ней как-то забыли, а она проводила большую работу. Одинокая, пожилая, какая-то беззащитная, но очень добрая и деятельная, постоянно ездила в командировки, даже больше, чем нужно было. На столе у нее всегда было очень много всевозможных документов, планов, справок, в них она запутывалась. Имена и отчества коллег плохо запоминала, все у нее были «девочки» и «мальчики». Меня она, например, звала «Катя». Она была неплохим организатором, но немного несобранная, видимо, сказывался возраст. Провела очень большую работу по выделению ставок в каждом районе помощников педиатров, обивала пороги правительства, Министерства финансов, переписывалась с Минздравом РСФСР Петр Егорович, понимая важность этих должностей, ее поддерживал, подписывал запросы. В конце концов ставки помощников педиатров были утверждены, укомплектованы фельдшерами. В Якутске для них был организован семинар. Она так и светилась, что добились этих ставок. И вот главный хирург Павел Петрович Габышев и главный окулист Анатолий Иванович Сыроватский решили над ней подшутить. Все в то время – и главные специалисты, и инспектора – сидели в одном большом кабинете. Когда они вели с ней разговор, меня в кабинете не было. Я захожу и вижу: посреди кабинета стоит Ребека Исаковна, руки в боки, глаза вытаращены, сама красная и что-то громко говорит. Я спросила, в чем дело. «Ты знаешь, Катя, что эти

А.И. Сыроватский

изверги задумали?» Я спросила: «Какие изверги?». Она отвечает: «Павел и Анатолий. Они с министром договорились наших фельдшеров направить на борьбу с трахомой». А в то время проводилась очень большая компания по ликвидации трахомы. «Я иду к министру», – говорит. Павел Петрович и Анатолий Иванович хохочут и стараются удержать ее, убеждая, что они пошутили. Не менее 2-3 дней пришлось ее успокаивать. В 1962 г. она уехала, дальнейшую ее судьбу не знаю.

До 1961 г. главным хирургом Минздрава работал Семенов Владимир Сергеевич. Опытный хирург, доктор медицинских наук, очень уважаемый и признанный специалист. Но я помню, что он в основном работал в хирургическом отделении Якутской городской больницы, занимался практической хирургией, в аппарате Минздрава бывал периодически, так как был очень занят по основной работе. В 1962 г. на должность главного хирурга был назначен Павел Петрович Габышев, который до этого был заместителем министра. Как заместитель министра Павел Петрович был очень требовательным, мне казалось, даже жестким. В самом деле он решал вопросы конкретно, был немногословен. Я его побаивалась. Став же главным хирургом и придя на рабочее место в наш лечебный отдел, он проявил себя с другой стороны. Очень контактный, доброжелательный. Он прошел всю войну, был ведущим хирургом в медсанбате. Эти годы войны вспоми-

В.С. Семенов

Э.С. Войцеховский

нал хорошо, как что-то сокровенное. Постоянно встречался с хирургами и городскими, и районного звена, особенно когда приезжали с курсов усовершенствования, интересовался новинками. Большую работу вел по подготовке хирургов, по повышению их классификации. Человек он был гордый, не позволяющий в свой адрес незаслуженных упреков. Как протест на несправедливую критику со стороны руководства он написал заявление об уходе на пенсию. И больше никогда к работе не возвращался.

В те же далекие 50-е – 60-е годы главным окулистом Минздрава работал Анатолий Иванович Сыроватский. Был он очень спокойным, тактичным, уравновешенным человеком. В те годы продвигалась большая работа с широко распространенным заболеванием трахомой. Программа ликвидации трахомы была государственной. Работа проводилась под непосредственным руководством обкома КПСС и Совета Министров ЯАССР. На эти цели было выделено много средств.

Совместно с Республиканским трахоматозным диспансером Анатолий Иванович разрабатывал мероприятия, готовил постановление правительства. В каждом районе были открыты трахоматозные диспансеры, огромное количество трахоматозных пунктов на микрочастьях в населенных пунктах, школах, учебных заведениях. Так рационально была организована медицинская помощь, чтобы ни один нуждающийся в лечении не был не залечен. Вся медицинская общественность была мобилизована на борьбу с трахомой. Всеобъемлющее санитарное просвещение, поголовные медицинские осмотры населения, учет каждого больного, его лечение не прошли даром. Трахома была ликвидирована.

В связи с этим очень многие медицинские работники были отмечены поощрениями, наградами. Мы, работники Минздрава, в частности лечебного отдела, думали, что Анатолий Иванович получит какую-нибудь правительственную награду. Но этого не

случилось, не знаю почему. Анатолий Иванович был глубоко обижен, хотя виду не подавал.

Кроме вышеперечисленных специалистов в Минздраве работало много людей, о которых хочется сказать только добрые слова. Это Антонина Пантелеймоновна Кирилкина, Евдокия Осеевна Сумкина, Сара Васильевна Борисовна, Мария Ивановна Дуглас, Екатерина Ивановна Юшкова, главный бухгалтер Валентин Наумович Полицинский и многие, многие другие.

Коллектив был дружный. Как и положено в те годы, мы были дружинниками и все, в том числе и заместители министра, выходили по графику на дежурство. Какую мы пользу принесли, мне трудно судить, но, видимо, группа дружинников с красными повязками оказывала на мелких хулиганов сдерживающее влияние. Обычно обнаруживали лежащих пьяных, вызывали милицию, чтобы отвезли их в вытрезвитель. Случались и смешные истории. Это было летом, мы вышли на дежурство в заложную часть города. Напротив школы №1 на автобусной остановке обнаружили лежащего пьяного, он был очень грязный, что-то мычал. Никаких повреждений, ран на нем не было. Кого-то послали в школу, чтобы по телефону вызвать милицию, а сами стоим рядом. В это время по дороге шли женщина с мужчиной, как мы поняли, спешили в заложный кинотеатр. Женщина оказалась очень любопытной и такой же энергичной. Подошла к нам и почему-то стала на меня кричать. «Стоишь, нарядилась и улыбаешься. А человек в грязи лежит». Я даже растерялась, не знала что ответить. С нами дежурил зам. министра Войцеховский Э.С. Он был очень остроумный. Он и ответил: «А что, Вы предлагаете лечь ей рядом с ним?». Что потом было! Она так ругалась, спутник с силой ее увел, мы долго еще слышали брань в наш адрес. Милиция скоро приехала, пьяного увезли, а мы продолжали дежурство.

Как ранее упоминала, в Минздраве я работала под непосредственным руководством семи министров. Все они были личности, хотя не похожи друг на друга. Одни были жесткие и требовательные, другие мягкие. Например, Васильев Иван Афанасьевич никогда не повышал голоса, по своей природе был очень добрым и тактичным. Мне казалось, что его вежливость, мягкость характера мешали ему руководить и там, где надо, власть употреблять.

Конечно, самое большое впечатление на меня произвел Любимов Павел

И.А. Васильев

Васильевич. Во-первых, он был первый мой министр здравоохранения из числа тех, с которым я работала, во-вторых, это было в те еще годы, когда слово «министр» для меня казалось сверхъестественным, перед ним я всегда робела, боялась, что что-то не то говорю. И в самом деле, часто говорила не то, потому что ни опыта, ни практических навыков в то время у меня еще не было. Сейчас я хорошо осознаю, что Павел Васильевич ко мне относился по-отечески. А вообще он был трибун, очень логично говорил. Его выступления на коллегиях, совещаниях, съездах аудиторией всегда выслушивались внимательно.

Когда в связи с тяжелой болезнью он ушел с поста министра, очень переживал. Конечно, в высокому положению люди привыкают: он занимал должность министра 18 лет, да еще заместителя 4 года. Мне он говорил, что чувствует себя как будто выброшенным из жизни, хотя он успешно трудился заместителем главного врача в Республиканской больнице. Понять его, да и не только его, а всех последующих министров, можно и нужно. Я себя помню, когда оформилась на пенсию, почувствовала, что никому не нужна, переживала. Со временем это прошло.

Продолжительнее всего я работала с министром Петровым Прокопием Андреевичем. Это был уважаемый и почитаемый руководитель и в обкоме КПСС, и в Совете Министров ЯАССР, и среди медицинской общественности. Он был интеллигентом, много занимался наукой, работал над литературой. С коллективом Минздрава отношения были равные. Он очень большое внимание уделял подготовке национальных кадров. Переживал, если появлялись какие-то промахи, особенно если молодые способные специалисты в связи с злоупотреблением алкоголем теряли свое «лицо», квалификацию. Сам же Прокопий Андреевич слыл абсолютным трезвенником, не курил.

П.А. Петров

В годы его руководства я работала главным эпидемиологом Минздрава. Эпидобстановка в республике в то время была сложная. Очень много регистрировалось вспышек, групповых случаев инфекционных и паразитарных заболеваний: гепатит, дизентерия,

сальмонеллез, иерсиниоз, стафилококковая инфекция, дифтерия и другие. На все вспышки заболеваний я старалась выезжать, вылетать сама и непосредственно в очаге инфекции принимать решения, разрабатывать мероприятия по её купированию. За эти годы работы я отлично поняла, что ни в коем случае нельзя подводить свое руководство с информацией о сложившейся ситуации. Сведения о неблагополучии, особенно о крупных вспышках, эпидемиях, как правило, шли по линии всех ведомств и не всегда достоверно. Поэтому, считала я, мой министр должен знать, как бы это ни было печально, все и раньше всех, и мог своевременно доложить в правительство. В первую очередь это помогало в решении вопроса о силах

и средствах для работы в очаге. Проконий Андреевич меня поддерживал и просил информировать его в любое время суток, во время рабочего дня, дома, даже на даче. Такой принцип работы я соблюдала и с другими министрами здравоохранения.

Заместитель министра Войцеховский Эльмар Сергеевич, умный, интеллигентный образованный руководитель. Он мог ответить на любой вопрос. К нему тянулись руководители здравоохранения районного звена, главные врачи, которые его ценили. По своему потенциалу Эльмар Сергеевич был организатором большого масштаба, но, видимо, оказался им не в то время и не в том месте. А он мог быть хорошим министром.

(Окончание в след. номере)

В.П. Николаев

ЛИКВИДАЦИЯ ТРАХОМЫ В ЯКУТСКОЙ АССР

В ЯАССР, по различным данным, пораженность трахомой в 1925-1950 гг. составляла 25,9-81,1% осмотренного населения республики [1, 5, 7]. При этом следует иметь в виду, что обследованиями население районов охватывалось недостаточно полно, периферийные территории оставались вне поля зрения выездных отрядов.

Вместе с тем из этих сведений можно сделать абсолютно достоверный вывод, что пораженность трахомой населения республики в целом и отдельных районов была высокой. По данным выездных отрядов Областной глазной больницы, в 1941 г. в 38,4% случаев последствием трахомы становилась слепота, к 1945 г. этот показатель снизился до 18,0% [5].

На передних позициях борьбы с трахомой находились сестринские трахоматозные пункты, которых в 1948 г. в республике было 37. В 1948 г. в сестринских трахоматозных пунктах было осуществлено 42 326 амбулаторных приемов, в том числе 6750 (15,9%) первичных, из них соответственно 28 438 (67,2%) и 4223 (62,5%) чел. были больны трахомой. Работниками пункта было сделано 7563 посещения на дому, в том числе в 5878 (77,7%) случаях – к больным трахомой [3].

Анализ документов тех лет свидетельствует, что в 1930-1955 гг. противо-

трахоматозная работа проводилась без четкого плана, с неполным охватом населения, с недостаточным привлечением общественности, советско-партийных и хозяйственных органов. Объективная оценка работы соответствующих структур по трахоме была дана в резолюции VIII съезда врачей ЯАССР (1953), где было сказано, что «Министерство здравоохранения и его органы на местах допустили серьезную ошибку, упустив из поля зрения своей деятельности работу по борьбе с трахомой в республике, несмотря на большую пораженность населения ряда районов этим заболеванием» [2, 4].

Переломным в организации борьбы с трахомой в республике стало постановление Совмина РСФСР № 1407 от 22.11.1955 г., которое обязало руководство и органы здравоохранения областей и автономных республик обеспечить в ближайшие 2-3 года ликвидацию трахомы как массового заболевания.

В целях широкого привлечения советских органов к борьбе с трахомой и исходя из опыта Удмуртской АССР, Совмином ЯАССР 25 мая 1956 г. было принято постановление о создании при Советах депутатов трудящихся комиссий по борьбе с трахомой. На 01.01.1957 г. в республике были созданы: Республиканская комиссия при Совмине ЯАССР, Якутская городская при горисполкоме, 29 районных и 154 наслежных. Комиссии не были организованы в Булунском, Момском, Оле-

некском, Аллаиховском и Учурском районах, в ряде районов и наслежных советов они были созданы формально и не работали.

Комиссией по борьбе с трахомой при Совмине ЯАССР стал ежегодно утверждаться комплексный план мероприятий по борьбе с трахомой, который охватывал социально-экономические, санитарно-гигиенические, медицинские и другие аспекты заболевания. Вместе с тем неудовлетворительные жилищно-бытовые условия больных трахомой колхозников, где имело место несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических правил, отдаленность населенных пунктов от медицинских учреждений (фермы, участки, базы и т.д.), создавали большие трудности в организации их полноценного лечения. Органы и учреждения здравоохранения, в том числе районные СЭС, еще недостаточно полно проводили противотрахоматозную работу. Кроме того, со стороны райисполкомов, райкомов партии, Советов депутатов трудящихся оказывалась крайне слабая помощь органам и учреждениям здравоохранения в деле борьбы с трахомой [6, 8].

В постановлении Совмина ЯАССР № 219 от 25.05.1956 г. «О состоянии и мерах борьбы с трахомой» были четко определены 3 основных блока мероприятий: повышение активности общественности и населения, усиление работы органов и учреждений здравоохранения, повышение ответствен-

НИКОЛАЕВ Валериан Парфеньевич – к.м.н., зам. директора ЯНЦ РАМН и Правительства РС(Я).